

С.Г. УШКИН

МОРАЛЬНАЯ ТРАНСГРЕССИЯ И СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ В СЕТЕВЫХ ДИСКУССИЯХ

УШКИН Сергей Геннадьевич – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга социальных процессов Научного центра социально-экономического мониторинга, Саранск, Россия (ushkinsergey@gmail.com).

Аннотация. В статье анализируются: реакция участников сетевых сообществ на посягательства на действующие нормы и ценности; смыслы, какие они придают аморальным деяниям; каким образом участники этих сообществ берут на себя функции по общественному контролю. Эмпирическая база исследования – пользовательские комментарии по поводу сожжения российского флага в г. Саранске. Всего проанализировано 955 сообщений, выделено четыре волны сетевых дискуссий. Полученные результаты свидетельствуют: сожжение российского флага для большей части пользователей является травмирующим событием, угрожающим общественным идеалам добра. Сетевые дискуссии становятся центром притяжения для тех, чьи гражданские убеждения побуждают к публичной реакции на антиобщественные поступки. Проблема в том, что обидчики и жертвы постепенно меняются местами, поскольку в отношении первых активно применяются механизмы кибербуллинга, а в оправдание их поступка вносятся политико-идеологические смыслы. Попытки спекуляции коллективной исторической памятью – часть дискуссии. Сделан вывод, что городские сетевые сообщества уже сегодня воплощают мониторинговую демократию, приближающую к идеалам гражданского общества. Однако требуется проработка механизмов повышения культуры обсуждения конфликтных ситуаций, поскольку порождаемые в ходе публичных дискуссий новые смыслы могут стать фундаментом конструирования деструктивных фейковых новостей.

Ключевые слова: моральная трансгрессия • социальные медиа • сетевые дискуссии • критический дискурс-анализ

DOI: 10.31857/S013216250006339-5

Введение. Современные сетевые коммуникации отражают высокий уровень конфликтности, особенно при обсуждении нравственных норм и ценностей. Реакция на какое-либо событие может быть более информативной в отношении коллективных чувств, чем данные социологических опросов, поскольку позволяет не только зафиксировать мнения, но и понять смысловую структуру и значения символических репрезентаций [Куракин, 2011: 66]. Подобные взаимодействия отражают моральное состояние определенной группы людей, которые имплицитно на дотеоретическом уровне легитимируют колеблющийся социальный порядок [Бергер, 2019: 43].

Широкие исследовательские перспективы открывают нереактивные методы сбора информации, прочно вошедшие в арсенал социогуманитарных дисциплин от антропологии до криминологии [Николаенко, Федорова, 2017: 39]. При этом структура коммуникаций не деформируется участием исследователя, поскольку информанты даже не будут догадываться, что являются объектами исследования. Подобный метод накладывает дополнительные ограничения этического характера, связанные с получением согласия на использование данных, их интерпретацию. Но возникает обоснованное сомнение, могут ли комментарии участников публичной сетевой дискуссии, используемые в обобщенном и деперсонифицированном виде, составлять сферу приватного.

В рамках представленного исследования рассмотрен частный случай сетевой дискуссии о сожжении российского флага 13.01.2019 г. молодой девушкой. Этот поступок, сопровождаемый ненормативной лексикой, был заснят ее подругой и выложен в Instagram. Запись была практически сразу удалена, однако осталось множество ее цифровых следов, которые распространились по другим социальным сетям. Первоначальный импульс к обсуждению проблемной ситуации был дан в популярном городском интернет-сообществе «Доска позора» (vk.com/club39480832), насчитывающем 73,3 тыс. подписчиков¹. По факту сожжения флага правоохранительными органами была проведена проверка и возбуждено уголовное дело по ст. 329 УК РФ («Надругательство над Государственным гербом РФ или Государственным флагом РФ»).

Как люди реагируют на посягательства в отношении общественных норм и ценностей? Какие смыслы придаются аморальным поступкам? Каким образом пользователи социальных сетей, свободные от формальных институтов цензуры, берут на себя функции общественного контроля? Эти и другие вопросы обсуждаются в статье.

Материалы и методы. Пользовательские комментарии и иные материалы для анализа собирались в городском сообществе «Доска позора», в постах, где упоминалось резонансное событие. Было найдено четыре записи, инициировавшие принципиально различные волны общественных дискуссий. Первая волна – это размещение собственной копии видео об инциденте; вторая и третья – обсуждение порванных флагов Российской Федерации и Республики Мордовия на флагштоке возле Государственного собрания Республики Мордовия и перевернутого флага Республики Мордовия на Доме Республики, указывающих на пренебрежение государственными символами местными властями; четвертая волна – реакция на попытку эмоционального искупления главной фигурантки дела.

В ходе четырех волн проанализировано 955 пользовательских комментариев, размещенных с 13 по 22.01.2019 г., которые были классифицированы по группам в зависимости от тональности высказываний и их смысловой наполненности. В качестве дополнения к пользовательским комментариям приведены данные публичных опросов по этой проблематике в самом сообществе. Не являясь репрезентативными, они позволяют косвенно оценить вовлеченность его подписчиков в обсуждаемую повестку и понять их настрой по отношению к происходящему.

Методически мы опираемся на критический дискурс-анализ Н. Фэрклафа [Fairclough, 1989]. Подобный подход позволяет понять, каким образом текущее восприятие норм и ценностей конструирует отношение к тем или иным событиям, а также спрогнозировать динамику дискурсивных сдвигов. Его базисом становится утверждение, что языковые практики представляют собой один из аспектов социальности, трансформация которых, в конечном счете, ведет к изменению социальной и культурной картины мира [Йоргенсен, Филлипс, 2008: 27].

Ход дискуссии. В период первой волны (с 13 по 22.01.2019 г.) было 540 комментариев, из них 10 были удалены модераторами сообщества. Пост, предваряющий сетевую дискуссию, просмотрели 48,8 тыс. чел., а прикрепленную к нему копию видео – 234,6 тыс. чел. В данном случае метрикой учитываются оригинальные просмотры, произведенные не только пользователями сети «ВКонтакте». Судя по числовым показателям, инфоповод вышел не только за пределы сообщества, но и за пределы г. Саранска.

Абсолютное большинство комментариев (81,3%) появилось в первые три дня после инцидента. Несмотря на то что пост с прикрепленной копией видео был размещен за полтора часа до полуночи, в первый день опубликовано 15,2% высказываний, во второй – 48,5%. Наибольшее социальное одобрение в эти и последующие дни получали сообщения, содержащие нормативную оценку, например: «*Это не от большого ума сделано*» (85 лайков, жен.); «*Алкоголь и дефицит серого вещества ещё и не такое делают*».

¹Третье по численности территориально маркированное сообщество после «Привет, сейчас, Саранск» (172,1 тыс. подписчиков) и «Объявления Саранск» (95,0 тыс. подписчиков).

Скоро будут слезы покаяния» (47 лайков, жен.); «Это конкретный пападос. Но в принципе за дело, потому что можно сделать, что угодно, но флаг... Как говорится – ни родины, ни флага» (27 лайков, муж.).

Подобные высказывания репрезентируют позиции большинства комментаторов. Поступок девушек подвергся критике, а сами они стали объектом оскорблений и насмешек, в том числе с использованием ненормативной лексики. Косвенно цифровые следы свидетельствуют: в первые несколько дней фигурантки инцидента пытались вести полемику с пользователями, но их сообщения были удалены модераторами сообщества, а аккаунты заблокированы (или самостоятельно удалены).

На высокий уровень озабоченности ситуацией указывают результаты публичного опроса, прикрепленного к первому посту². В нем приняли участие 3,5 тыс. чел., из них две трети (64,5%) безапелляционно заявляют: девушки совершили позорный поступок. Каждый пятый (19,7%) придерживается обратного мнения и не усматривает в нем чего-то зазорного, что могло бы нарушить чьи-то интересы (как, например, размещаемые в сообществе записи о качестве воды, качестве дорожного покрытия, качестве работы поликлиник и т.д.). Шестая часть опрошенных (15,8%) уверена, что «девушки сожгли не то», однако в данном суждении усматривается скорее сарказм, а не релевантная оценка произошедшего.

В комментариях прослеживается как минимум три линии оправдания и объяснения сожжения флага, акцентирующих внимание на различных причинах их поступка.

Первая – девушки делали это без понимания последствий, не осознавая тяжести совершенного деяния, возможно, находясь в состоянии алкогольного опьянения. Некоторые комментаторы вспоминают и о бунтарской романтике молодости: *«Гнобить барышень за такое точно не стоит. Просто шалость, бунтарская романтика и все такое» (14 лайков, жен.).*

Вторая линия объяснений: девушки проявили неуважение не к флагу как национальному символу, а к флагу как символу власти. Высказавшиеся в этом ключе пытаются политизировать дискуссию, вывести ее из сугубо нравственной и правовой плоскости в плоскость социально-политической проблематики. Необходимо отметить: количество подобных комментариев в общем массиве не превышает 5%, но при этом они имеют высокий уровень социального одобрения, выраженный в относительно большом количестве лайков, а также становятся триггером пользовательских дискуссий. Показательным примером такого рода высказываний является: *«Флаг все увидели, что жгут. А что в стране творится, как будто никто не видит. Согласие, порядок, созидание – и где они? Отвратительная медицина, нищенская пенсия, убогая зарплата, долги и пошлости – это нормально? А флаг сожгли – это уже конечно чересчур... Сверхушки уже этот флаг не то, что сожгли, опозорили, своим отношением к населению, а здесь принявшие глупые малолетки какие-то, вот к ним-то мы прицепимся, их-то мы покараем» (89 лайков, муж.).*

Оппонируют им пользователи, которые не видят никакой политической подоплеки в содеянном, а тем более – протестной идеологии. Они апеллируют к тому, что флаг является символическим атрибутом страны, которую, как правило, не выбирают. Пример – следующее развернутое высказывание: *«Кислое с пресным путать не нужно. Медицина плохая, воры... и т.д. Уверен, никакой идейной подоплеки тут нет, им вообще по барабану все это. Просто сожгли флажок и всё. По приколу. В законодательстве РФ есть квалификация данному деянию. Это объясняют ещё школьникам. И флаг РФ, считаю, не олицетворяет правящую верхушку и не тождественен власти и вору! Хотя, на первый взгляд, вроде грех невелик» (13 лайков, муж.).*

² Подобного рода публичные опросы типичны для сообществ «Доска позора» и позволяют весьма приблизительно оценить уровень порицания того или иного поступка; инструментально не представляется возможным установить ни социально-демографические характеристики опрошенных, ни их мотивацию при выборе ответа.

Третья линия также представляет собой случай политизации дискуссии, но уже в масштабах государства в целом. В частности, по мнению некоторых пользователей, было сожжено власовское знамя³, олицетворяющее предательство всей российской власти. Подобные высказывания ошибочны и редко поддерживаются другими, но свидетельствуют о наличии проблем в социально-гуманитарном образовании и/или настойчивых попытках манипуляции массовым сознанием посредством заигрывания с коллективной исторической памятью. Как правило, авторы этих комментариев оказывают эмоциональную поддержку девушкам. Примером может служить высказывание: «Власовское знамя – в огонь!» (2 лайка, муж.).

Вторая и третья волна обсуждений (с 14 по 15.01.2019 г. и с 15 по 17.01.2019 г.) интенсифицируют дискуссию о неуважении к флагу безотносительно к девушкам, применительно к региональным властям. В частности, в записи от 14.01.2019 г. указано: на флагштоке возле Государственного собрания Республики Мордовия флаги России и Мордовии находятся в непотребном состоянии – полотнища частично порваны. Всего эта запись насчитывает 21,7 тыс. просмотров, под ней оставлено 20 комментариев. По этому поводу также была запущена процедура публичного опроса, в котором приняла участие 1 тыс. чел. Его результаты указывают: абсолютное большинство проголосовавших (81,4%) считают такое положение дел позором; каждый пятый (18,6%) придерживается обратного мнения или не придает флагу символического значения.

В записи от 15.01.2019 г. приводится фотография с перевернутым флагом Республики Мордовия на Доме Республики. Ее просмотрели 27,0 тыс. чел., было оставлено 93 комментария. Происходит окончательная политизация ситуации, образы девушек приобретают элементы героев и мучеников, поскольку, по мнению комментаторов, слишком многие озаботились их поступком, в то время как в стране существуют более значимые проблемы – например, социальная, политическая и экономическая стагнация. Пример подобных заявлений: «Ну, если мордовские власти даже флаги нормально повесить не могут, чего уж говорить об их работе в целом» (33 лайка, муж.).

Судя по комментариям пользователей, после соответствующих постов флаги были заменены. Таким образом виртуальные конфликты не только вербализуются, но и трансформируются в реальные действия, причем даже теми, кто непосредственно не вовлечен в дискуссию.

Четвертая волна обсуждений (17–21.01.2019 г.) связана с размещенной видеозаписью, где девушка рассказывает, чем являлся для нее сожженный флаг, а также почему она так с ним поступила. Запись собрала 35,4 тыс. просмотров, а прикрепленное видео – 458,1 тыс. просмотров. Под ней было оставлено 302 комментария. На видео героиня пытается примерить на себя образ жертвы, которая по детской наивности вместе с другими старыми вещами отправила в огонь один из государственных символов Российской Федерации, а затем была подвергнута травле со стороны федеральных и региональных массмедиа. Девушка делает резонансное заявление, что ее поступки и слова выдернуты из контекста, сама она ни в чем не виновата, а главный антагонист тот, кто выложил видео в сеть (точнее, распространил по популярным городским пабликам). «Исповедь» вызвала очередной вал негодования, причем наиболее характерные высказывания о вменяемости девушки: «Да, таких тупых надо ещё поискать» (55 лайков, муж.), «У нее вообще мозгов нет» (32 лайка, муж.) и «Позор ума ноль у нее!!! И у тех с умом не очень, кто к словам цепляется!))» (31 лайк, жен.). Подчеркивается неубедительность речи и отсутствие настоящего раскаяния. Структура комментариев указывает: лояльность к поступку девушки после ее обращения существенно снизилась, хотя эффект предполагался прямо противоположным.

³ Некоторые интернет-пользователи подвергают таким способом сомнению легитимность действующего символа Российской Федерации.

Обсуждение. Рассмотренный случай меркнет на фоне ужасов, которыми нас бомбардирует индустрия медиа, поставляющая насилие буквально в каждый дом, превращая его в часть повседневности [Бауман, 2019: 29]. Не в последнюю очередь этому способствует высокий уровень транзитивности поступающей информации, которую сознание не успевает отрефлексировать, а потому трансформирует в моральные прецеденты. В условиях тотальной клиповизации мышления, когда система норм теряет твердость, только на них и остается надежда по регуляции общественного порядка. При этом все большую значимость приобретают параметры социального одобрения – лайки и репосты. Они вытесняют (стараясь вытеснить) личные представления о событии коллективными представлениями и дают индивиду возможность соотношения себя с референтной группой. Как отмечает Л. Донскин, «ради эмоционального и психологического комфорта люди, как правило, пытаются преодолеть в себе постоянные сомнения или неуверенность, а также чувство незащищенности, которое значительно усиливается в те моменты, когда нет четких и быстрых ответов на вопросы, которые нас тревожат и даже мучают» [Бауман, Донскин, 2019а: 16].

Сожжение российского флага по своей сути представляет собой травмирующее сознание событие (а точнее – распространение представлений об этом событии) (см.: [Штомпка, 2001: 9]). Оно действует на микроуровне, имеет краткосрочный характер и происходит в локальном сообществе, органично вливаясь в какофонию агрессии, бурлящей в пространстве Интернета и телевидения. Но тем ценнее, что пользователи не пропустили инфоповод, включились в его обсуждение, (ре)конструируя границы дозволенного и недозволенного поведения.

Поступок девушки практически моментально квалифицируется общественностью как угроза общественным идеалам, становясь объектом притяжения пользователей, стремящихся прочувствовать зло на себе, более того – считающих себя его персонифицированными жертвами. Как отметил более ста лет назад П.А. Сорокин (с тех пор мало что изменилось), «в ответ на акты запрещенные мы реагируем в форме переживаний и актов вражды, недружелюбия и ненависти по адресу его субъекта; в нас самопроизвольно возникает желание отпарировать его незаконное покушение и отомстить ему за его попытку» [Сорокин, 2006: 126]. Подобные реакции запускают схизмогенетическую последовательность⁴, каждое новое событие которой усиливает пропасть между девушками и пользователями и различными лагерями пользователей. Притяжение больших масс людей, пассивно и активно следящих за развитием конфликта, – пример трансгрессии, которая стоит на страже идеалов моральной справедливости и сакрализации человеческого духа не только в мыслях, но и на практике [Александр, 2013: 341].

Парирование и попытка отмщения за сожжение российского флага приводит к травле (буллингу) – преднамеренному и повторяющемуся акту физической агрессии или, в нашем случае, психологического уничтожения по отношению к тому, кто не может себя защитить [Andelic et al., 2010: 1123]. Проблема в том, что постепенно «плохие» девушки и «хорошие» пользователи меняются местами, поскольку моральные характеристики перестают быть применимы к комментариям последних. Происходит своеобразное оправдание девушек, они становятся жертвами пусть не троллей, но, как минимум, равнодушных комментаторов, и это приводит к появлению все большего количества людей, готовых за них заступиться. Как наглядно демонстрирует Дж. Мартин в серии романов «Песнь льда и пламени», известной широкой аудитории по сериалу «Игра престолов», даже самые гнусные поступки могут вызывать восхищение, и наоборот, потому что желаемое многими деление мира на черное и белое более не является возможным. Ситуация усложняется, поскольку кампания по освещению инцидента запускается в ряде

⁴ Понятие схизмогенезиса (от др.-греч. σχίσμα – раскол и др.-греч. γένεσις – происхождение) обозначает цепь действий и реакций на них; как правило, каждое новое действие порождает более сильную реакцию и ведет к усилению раскола между группами (см.: [Бауман, 1996: 31]).

федеральных и региональных массмедиа, навешивая на девушек ярлыки аморальности, латентно способствуя их героизации, и особенно среди тех, кто усматривает в осуждении поступка политические мотивы.

Поскольку флаг – сакральный символ государства, в сугубо моральный конфликт инкорпорируются политико-идеологические факторы. Они даже латентно не присутствовали в конфликте, но кардинальным образом деформировали публичный дискурс. Критике подвергается действующая власть, которая, как утверждается, сделала выбор в пользу цветов власовского флага и тем самым предала российский народ. Конструируются устойчивые убеждения: раз в истории замешана политика, то девушка страдает за свои убеждения. Некоторые комментаторы называют ее мордовской Pussy Riot. Тревогу вызывает наличие комментариев об уровне жизни, пропитанных протестной риторикой и направленных на делегитимизацию действующей власти, а также высокий уровень их поддержки со стороны других пользователей. Квалифицируемое в самом начале дискуссии как безоговорочное зло, оно постепенно приобретает текучесть и растворяется в своих производных [Бауман, Донскинс, 2019b]. Возрождению разговоров о моральном способствует последняя, четвертая волна обсуждений, которую провоцирует попытка исповеди одной из девушек. Расставляя смысловые акценты, она не упоминает не единого политического подтекста в своем поступке (даже не дает поводов к этому) и, по большому счету, не дает поводов к дальнейшим спекуляциям в комментариях под записью. В динамике ее образ проходит две значимые трансформации – от агрессора к жертве и обратно.

Обсуждаемый случай, по нашему мнению, представляет собой пример того, каким образом акторы участвуют в процессе нормативного регулирования. Подобного рода кейсы – еще одна «гражданская» форма понимания общего [Болтански, Тевено, 2013: 33]. В ней наглядно демонстрируется, что относительно небольшие городские сетевые сообщества граждан способны стать инструментом мониторинговой демократии⁵, постепенно развивающейся и в нашей стране (см., напр.: [Ерпылева, Магун, 2014; Клеман, 2013]). Вербализация конфликта привела не только к порождению дискурсивных практик, но и к трансформации физического пространства взаимодействий – правоохранительные органы возбудили проверку, а республиканские власти были вынуждены заменить непотребные или неправильно установленные флаги.

Парадокс в том, что мониторинговая демократия не является инструментом решения так называемой «Гоббсовской проблемы» ни в ее реальном, ни виртуальном воплощении, поскольку, найдя виноватого, представители сетевых сообществ начинают клеймить его, а затем вступать в ожесточенные дискуссии друг с другом, порождая новые агрессивные формы поведения. По своей форме публичные дискуссии часто напоминают современные ток-шоу, задача которых состоит в развлечении зрителей, но не в снижении градуса накала. Поэтому требуется повышение коммуникативной культуры и компетенций управления своими режимами виртуальной коммуникации [Глухов, 2019: 116], так как деструктивные практики взаимодействия (в первую очередь активное использование «языка вражды»⁶) обесценивает возможности подобных инструментов поддержания морали. Результаты других авторов показывают, что серьезными ограничителями моральной ответственности в сетевых дискуссиях выступают макиавеллизм, психопатия и нарциссизм [Михайлова, 2019: 78].

⁵Как отмечает Дж. Кин, мониторинговая демократия представляет собой новую форму демократии, разновидность «постэлекторальных» политики и правительства, определяемых быстрым ростом разных типов внепарламентских механизмов контроля власти [Кин, 2015: 104–105].

⁶Под «языком вражды» (hate speech) понимаются слова, выражения, изображения, видео- и аудиозаписи, демонстрируемые публично с целью выражения ненависти и недопущения в качестве нормы таких признаков конкретного лица или группы лиц, как пол, возраст, раса, национальность, политические, религиозные, мировоззренческие позиции и убеждения [Сычев и др., 2018: 801].

Заключение. Подводя итог, можно констатировать: сетевые сообщества представляют собой инструмент развития гражданского общества. Конфликтные ситуации, репрезентуемые ими, могут становиться предметом обсуждений широкой общественности, получая при этом и новые, изначально отсутствовавшие смыслы, – фиксируются попытки намеренной метонимии ценностей добра и зла [Девятко и др., 2017: 99]. В условиях общества постправды требуются стратегии противодействия деструктивному влиянию процессов смыслообразования, направленные, прежде всего, на формирование критического мышления и цифровой грамотности населения. Например, Правительство Великобритании планирует создать подразделение оперативного реагирования для мониторинга социальных сетей на предмет распространения в них фейковых новостей и ответа на дезинформацию. А в странах Организации экономического сотрудничества и развития в рамках Международной программы по оценке образовательных достижений (PISA) предлагается ввести задания для учащихся, определяющие способность к различению достоверного и недостоверного контентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Праксис, 2013.
- Бауман З., Донскин Л. Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текучей современности. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019а.
- Бауман З., Донскин Л. Текучее зло: жизнь в мире, где нет альтернатив. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019б.
- Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1996.
- Бауман З. Ретротопия. М.: ВЦИОМ, 2019.
- Бергер П. Священная завеса: элементы социологической теории религии. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
- Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: очерки социологии городов. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- Глухов А.П. Культура управления коммуникациями в социальных медиа как элемент «цифровой грамотности» // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 110–118. DOI: 10.31857/S013216250004965-4.
- Девятко И.Ф., Абрамов Р.Н., Катерный И.В. (ред.) Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям. М.: Весь Мир, 2017.
- Ерпылева С.В., Магун А.В. (ред.) Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011–2013 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Йоргенсен М., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008.
- Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: ВШЭ, 2015.
- Клеман К. (ред.) Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- Михайлова О.Р. Когда оскорбление воспринимается как шутка? Персональные и ситуативные факторы отключения моральной ответственности свидетеля кибербуллинга // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 2. С. 55–92.
- Николаенко Г.А., Федорова А.А. Нереактивная стратегия: применимость незаметных методов сбора социологической информации в условиях Web 2.0 на примере цифровой этнографии и Big Data // Социология власти. 2017. Т. 29. № 4. С. 36–54.
- Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М.: Астрель, 2006.
- Сычев А.А., Коваль Е.А., Жадунцова Н.В. Проблема классификации языка вражды в отношении мигрантов (на примере Республики Мордовия) // Регионоведение. 2018. № 4. С. 798–815.
- Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
- Andelic N., Sigurdardottir S., Schanke A.K., Sandvik L., Sveen U., Roe C. Disability, Physical Health and Mental Health 1 Year after Traumatic Brain Injury // Disability and Rehabilitation. 2010. Vol. 32. No. 13. 1122–1131.
- Fairclough N. Language and Power. London: Longman, 1989.

MORAL TRANSGRESSION AND THE MEANINGS MAKING IN ONLINE DISCUSSIONS

USHKIN S.G.

*Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution, Russia**Sergey G. USHKIN, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher of the social processes monitoring department of the Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution, Saransk, Russia (ushkinsergey@gmail.com).***Acknowledgments.** The reported study was funded by RFBR, project No. 19-011-00082.

Abstract. This article examines how users of virtual network communities react to violations of existing norms and values, what meanings they attach to immoral acts and how they assume the functions of public control. The empirical base of the study was user comments on a particular case of the burning of the Russian flag in Saransk, presented in one of the city's public media. In total, we analyzed 955 messages, there have been four waves of online discussions. The results suggest that the burning of the Russian flag for most users is a traumatic event, a threat to public ideals of good. Network discussions have become a center of attraction for those who want to feel the evil on themselves, triggering a schismogenetic chain of events. Gradually the attackers and victim were reversed, as the first actively used cyber-bullying. In justification, political and ideological meanings were utilized, which, obviously, were not originally intended. Attempts to misuse collective historical memory are recorded, which also affected the discussion. It is concluded that urban network communities are already an embodiment of monitor democracy. This democracy brings us closer to the ideals of civil society, but is requiring external regulation due to lack of discussion culture in conflict situations and generation of new meanings of constructing destructive fake news.

Keywords: moral transgression, social media, network discussions, critical discourse analysis.

REFERENCES

- Alexander J.C. (2013) *The Meanings of Social Life: a Cultural Sociology*. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Andelic N., Sigurdardottir S., Schanke A.K., Sandvik L., Sveen U., Roe C. (2010) Disability, Physical Health and Mental Health 1 Year after Traumatic Brain Injury. *Disability and Rehabilitation*. Vol. 32. No. 13: 1122–1131.
- Bauman Z., Donskis L. (2019b) *Liquid Evil: Life in a World Where There Are no Alternatives*. St. Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha. (In Russ.)
- Bauman Z., Donskis L. (2019a) *Moral Blindness: the Loss of Sensitivity in Liquid Modernity*. St. Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha. (In Russ.)
- Bauman Z. (2019) *Retrotopia*. Moscow: WCIOM. (In Russ.)
- Bauman Z. (1996) *Thinking Sociologically*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
- Berger P.L. (2019) *The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Boltanski L., Teveno L. (2013) *De la justification: les economies de la grandeur*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Clement K. (ed.) (2013). *Urban Grassroots Movements in Russia in 2009–2012: on the Way to the Political*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Deviatko I.F., Abramov R.N., Katerny I.V. (eds) (2017) *Norms and Morality in Sociological Theory: From Classical Conceptions to New Ideas*. Moscow: Ves Mir. (In Russ.)
- Erypylova S.V., Magun A.V. (eds) (2014) *Politics of Apolitical: Civil Movements in Russia 2011–2013*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.)
- Fairclough N. (1989) *Language and Power*. London: Longman.
- Glukhov A.P. (2019) Communications Management Culture in Social Media as an Element of «Digital Literacy». *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 110–118. DOI: 10.31857/S013216250004965-4. (In Russ.)
- Jorgensen M., Phillips L. (2008) *Discourse Analysis: as Theory and Method*. Kharkiv: Gumanitarniy tsentr. (In Russ.)
- Keane J. (2015) *Democracy and Media Decadence*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Kurakin D.Yu. (2011) Eluding Sacred: Ambiguity of the Sacred and its Importance for the «Strong Program» in Cultural Sociology. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 10. No. 3: 41–70. (In Russ.)
- Mikhailova O.R. (2019) When Insult is Interpreted as a Joke? Personal and Situational Factors of Cyberbullying Bystander Moral Disengagement. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 22. No. 2: 55–92. (In Russ.)

- Nikolaenko G.A., Fedorova A.A. (2017) Non-reactive Strategy: Unobtrusive Methods of Gathering Sociological Information in Web 2.0 Age – Evidence from Digital Ethnography and Big Data. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. Vol. 29. No. 4: 36–54. (In Russ.)
- Sorokin P. (2006) *Crime and Punishment, Service and Reward: A Sociological Study of the Basic Forms of the Social Behavior and Morals*. Moscow: Astrel. (In Russ.)
- Sychev A.A., Koval E.A., Zhadunova N.V. (2018) The Issue of Classification of Hate Speech against Migrants (the Case Study of the Republic of Mordovia). *Regionologiya* [Regionology]. Vol. 26. No. 4: 798–815. (In Russ.)
- Sztompka P. (2001) Social Change as a Trauma. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 6–16. (In Russ.)

Received: 30.09.19. Accepted: 28.10.19.